

**IMAGE AS A CHARACTERISTIC OF THE LEVEL
OF PERCEPTION AND A FACTOR OF IMPACT**

**ОБРАЗНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЯ
ВОСПРИЯТИЯ И ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Vladimir Shedyakov¹

DOI: <https://doi.org/10.30525/978-9934-26-190-9-12>

Abstract. The main task of the article is to summarize the intermediate results in the author's study of the image in the systems of perception (and, accordingly, impact). This goal is achieved in the text by solving the following tasks: characterizing of the relationship between the material and spiritual life of society, incl. with increasing pressure of virtual worlds on the real state and dynamics; researching of the parameters of meaningfulness and reflexivity in social management; studying the place of symbols in public life (in particular, when organizing influences during a paradigmatic transition); delineating the possibilities of symbolism in helping to optimize the improvements of the future. In the process of achieving this goal, research and presentation methods are used, associated with abstract-logical and concrete-historical development of practical and theoretical material. Each cultural and civilizational world develops in the process of history and interaction with nature and other worlds its own characteristics and ideas, in particular, recorded at the levels of a variety of linguistic practices, socio-economic foundations, political institutions, etc. The preservation of real global subjectivity (and not transformation into an object of external manipulation) all the more requires an understanding of the essence of international processes and the range of effective influences on it in order to realize their legitimate interests. First of all, those cultural and civilizational worlds become successful, which are able not only to interest, captivate with their meanings, but also to structure their social space, using both classical and innovative resources, integrating the forms of value consciousness that are basic for themselves with the logic of historical changes. The cultivation of the Super-Project, development clusters

¹ Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences,
Free-lance, Ukraine

beneficial for the desired changes in the social climate are important factors in using the unique opportunities of the transition period, strengthened by the unity of conscious goal-setting with objective trends in socio-economic dynamics. Thus, ensuring the protection and development of symbols and imagery that carry basic value-semantic complexes, a moral and spiritual core is not only the preservation of continuity, but also an essential element of both life support and the maintenance of social harmony around the ideals of creativity and creativity. The sociocultural organism of the ecumene can be fraught with both a new social life and the death of civilization. The rivalry of cultural-civilizational worlds that permeates history (each with its own set of advantages and disadvantages, organic forms of combining general and private interests, unity and diversity of creative search), which are at different phases of socio-genesis, refracted by the law of uneven development and different-speed running of time, receives new paints in the face of radical changes. Accordingly, it is required to prioritize a set of conditions under which: – the remnants of the Soviet legacy would work for the benefit of their people, and would not strengthen foreign corporations and would not be subordinated to the tasks of creating products in the interests of other countries (through systems for issuing grants, placing orders, paying works, etc.), – from attempts to «ride on the fragments of Soviet breakthroughs» it is time to move on to stimulating the independent creation of new reserves, – the concept of social development should not be built around the symbols of «bridge», «agrarian future», «beggar country», etc., but with the priorities of the ideals of creativity (primarily scientific-intellectual), originality and self-sufficiency. Moreover, their vector should lead not to the rural past, but to the future with scientific and industrial clusters and an uplifting social environment.

1. Вступление

Необходимо обратить внимание на нравственные силы, какие до сих пор не принимались в расчёт новаторами. А между тем только на этих силах и можно создать что-нибудь истинно прочное и таким образом обеспечить за ним будущее
Д. Мамин-Сибиряк «Приваловские миллионы»

Одна из сущностных характеристик общемировых трансформаций связана с объективной необходимостью перехода от периодических инноваций к их постоянству, «конвейеру внедрений». Причём речь

идёт отнюдь не просто о компенсациях физического и морального износа, но и постоянстве кардинальных изменений на основе массового творчества.

Между тем, каждая из парадигм общественного развития несёт с собой свои комбинации возможностей и угроз, меняя востребованность ресурсов и влияя на благоприятные и осложнённые направления трансформаций. При этом ныне кардинально возрастает значение отнюдь не только научно-интеллектуальной деятельности: её не то что сверхпродуктивный потенциал, но хотя бы предохранение от превращения в источник мощного оружия настоятельно требует комплексного преобразования всего отношения к жизни. Что, в свою очередь, предполагает, прежде всего, преобразование духовного производства: мускульно-физические функции простого труда эффективно передаются разнообразным агрегатам. Соответственно преобразуется весь мир коллективно исповедуемых представлений. Разумеется, первоначально возникают отдельные «точки развития». Целевые функции кластеров служат повышению разнообразия и устойчивости творческого поиска. Но, чтобы кластеры раскрыли в общественно полезном направлении свой потенциал, они не должны рассматриваться изолированно, в отрыве от среды. Их создание, функционирование и развитие вписывается в контекст и логику трансформаций, способствуя не только внедрению передовых технологий и организационных укладов, экономическому росту, но и социально-политическому единству общества. Трансформируются представления о дереве целей и ресурсных базах, границах допустимого и желательного. И ценностно-смысловые комплексы, традиции и базовые символы могут выступать стратегическими «предохранителями», «фундаментом» и «направляющими рельсами» творческих поисков, т.е. просто не могут не учитываться эффективной стратегией трансформаций [1–5].

Феномен протонравственности в животном мире, не сводимый только к сосуществованию или же формам симбиоза был тщательно исследован П.А. Кропоткиным. Вместе с тем, активность отчуждающих и расчеловечивающих сил в классово-антагонистичном обществе искажают, патологизируют и иррационализируют как социализацию, так и индивидуализацию. В частности, раскрытие, развитие и реализация одарённостей становятся случайными, социально раз-

делёнными и подчинёнными канонам общественной розни. Развёртывание задатков осуществляется в борьбе со структурами внутреннего и внешнего миропорядка, а человека поглощает практически экзистенциальное одиночество в толпе. Соответственно, переход к новой общественной парадигме ставит острейший вопрос кардинального изменения привычного для выработанного Западом отношения к жизни и смерти, к себе и миру. Теоретико-методологическими базами исследования стали размышления, во-первых, о соотношении материального и духовного начал развития (Абу Али Ибн Сина, Абу-ль-Валид Мухаммед бну Ахмед Ибн Рушд, Платон, Аристотель, И. Кант, Ф.В.Й. Шеллинг, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, Л.А. Фейербах, К. Маркс, а также С. Аверинцев, М. Алексеев, Л. Архангельский, В. Бабушкин, Г. Батищев, Б. Богданов, К.-А. Гельвеций, Ю. Давыдов, К. Делокаров, Э. Ильенков, В. Ильин, М. Желнов, И. Зуев, А. Кармин, Б. Кедров, П. Копнин, Б. Кузнецов, В. Кузьмин, Н. Лапин, В. Лекторский, А. Леонтьев, М. Лифшиц, К. Любутин, Ю. Мельвиль, В. Межуев, И. Мечников, А. Миносян, Ф. Михайлов, Н. Мотрошилова, Т. Ойзерман, В. Орлов, Е. Режабек, С. Рубинштейн, В. Сагаатовский, Б. Спиноза, А. Спиркин, К. Тимирязев, О. Тихомиров, В. Толстых, В. Тугаринов, А. Уледов, В. Швырев, М. Яковлев); во-вторых, о месте символов, ценностей и карнавальной культуры в освоении действительности (М. Бахтин, В. Библер, Л. Буева, В. Вазюлин, Ф. Кессиди, А. Лосев, А. Лукьянов, А. Лурия, М. Попович, М. Савостьянова, А. Чанышев, Е. Черносвитов, В. Шестаков); в-третьих, о потенциале рационального и иррационального воздействия (Зенон Элейский, Гераклит, Демокрит, Лао-цзы, Конфуций, К. Лукреций, Э. Аронсон, В. Большаков, В. Власова, А. Горчаков, Н. Данилевский, Ф. Достоевский, А. Дугин, С. Кара-Мурза, Ж. Пиаже, Э. Пратканис, С. Ткаченко, Ф. Тютчев, М. Фуко, К.Г. Юнг). Также при написании текста учтены прогнозы Брукингского института (Brookings Institution), Изборского клуба, Международного дискуссионного клуба «Валдай», Международного форума «Евразийский образовательный диалог», Петербургского международного экономического форума, Ярославского инвестиционного форума, корпорации Рэнд (RAND Corporation, Research and Development), Стрэтфора (Stratfor, Strategic Forecasting Inc.), Клуба экспериментальной истории, Фонда «Наследие» (Heritage Foundation), Центра стратегиче-

ских и международных исследований (CSIS, The Center for Strategic and International Studies), Примаковских чтений, Мастерской управления «Сенеж», Римского клуба и Зальцбургского семинара, выделение характерных черт западного общества отчуждения О. Хаксли, Дж. Оруэллом, Н. Носовым.

Основная задача данной статьи – подытоживание изучения образа в системах восприятия (и, соответственно, воздействия), что достигается путём решения задач:

- характеристики соотношения материальной и духовной жизни общества, в т.ч. при усилении давления виртуальных миров на реальное состояние и динамики;
- исследования параметров осмысленности и рефлексичности в социальном управлении;
- изучения места символов в общественной жизни (в частности, при организации влияний во время парадигмального перехода);
- очерчивания возможностей символики в помощи оптимизации улучшений грядущего.

В процессе осуществления этого применяются методы исследования и изложения, связанные с абстрактно-логическим и конкретно-историческим освоением практического и теоретического материала.

2. Диалектика виртуального и реального в развитии духовной и материальной плоскостей социального пространства

Слова и символы так же относятся к миру реальности, как карта к территории, которую она представляет.

Мы живём по воспринимаемой «карте», которая никогда не есть сама реальность

К. Роджерс

Каждый культурно-цивилизационный мир вырабатывает в процессе истории и взаимодействия с природой и другими мирами свои особенности и представления, в частности, фиксируемые на уровнях разнообразия языковых практик, социально-экономических устоев, политических институтов и т.д. С развитием человечества растут и качественные расхождения между ними. Так, защита самобытности и своеобразия, нарастание различий и борьба сторон противоречий – условие развития ойкумены. «Идеальная форма – это форма вещи, но

вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» [6, с. 269]. Причём не мускульная энергия, а духовно-интеллектуальное творчество становится определяющим фактором нового мироустройства, средством и целью конкурентной войны. Источник богатства – в человеческой одарённости, соответственно, несправедливы как обнищание: относительное и абсолютное, – так и поляризация возможностей доступа к благам общества. Вместе с тем, равенство прав вовсе не означает ни тождественности, ни равенства ответственности, которая резко возрастает с повышением могущества. Наивысшая эффективность творческой (прежде всего, интеллектуальной) активности требует создания условий раскрытия: поиска, просоциальных развития и реализации – наибольшего числа одарённостей в обществе. Посему ценность жизни и возможности творчества прямо зиждутся на равенстве прав и возможностей, распространении гуманитарных стандартов [7–10].

Всесторонний учёт характера воздействия на состояние и динамику национальной безопасности, процессы, влияющие на интересы страны, – один из приоритетных элементов модернизации экономики и финансовой системы страны. Видимый рост воздействия виртуальных миров на состояние реального очевидным образом влияет на ресурсно-методологические базы трансформаций. При этом современные научные подходы вынуждены принимать во внимание, что международные экономические отношения становятся всеобъемлющими при распространении на все стороны воспроизводства, в частности, не только распределение и обмен, но и производство. Сохраняя достигнутый уровень обобществления международной жизни, ойкумена упёрлась в препятствие своим безопасности и развитию, связанное с сохранением устаревшей организации миропорядка, обслуживаемой идеями то вульгарного мультикультурализма, то примитивного национального эгоизма. Между тем позитивный смысл и запал либерализма давно уже перешёл к совершенно иным подходам, концепциям и структурам [11–19].

Критичность расковывания творческой энергии самых широких масс населения заведомо означает необходимость образа жизни и

социальной интеграции на основе отношений не господства-подчинения, а доверия и взаимной кооперации [20–27]. Для ведущей роли созидательного, а не разрушительного направления формирования и реализации научно-образовательного потенциала, он должен непременно включать ценностное основание как социальное наследие, скрепляющее исторический опыт народа. При этом обеспечение адекватных эпохе форм развития базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров – условие продуктивного развития сущностных сил человека, гармоничного развёртывания и реализации в творчестве комплекса его дарований. Суверенность и идентичность как защита своих взглядов на жизнь, своего миропонимания, своих смыслов и ценностей, своих социокультурных стилистик – необходимость органичного развития. Культивирование устойчивой и плодотворной традиции – не только надёжная основа сохранения национальной идентичности, но и достойная почва для успешных инноваций: как технико-технологических, так и социально-экономических. При этом важно, в чём видеть источник власти: в своём ли народе, в замыслах элиты, в прихотях агрессивных меньшинств или же в интересах внешних центров. Так, схемы внешнего управления включают механизмы господства / подчинения экономические, военные, идеологические, информационные, правовые, всё чаще склоняя к вовлечению в чуждое культурно-цивилизационное образование. При этом с абсолютным и относительным (в сравнении с конкурирующими центрами силы) ослабеванием гегемона и обнажением его внутренних противоречий компенсаторно нарастают не только его агрессивность во внешней сфере, но и попытки паразитирования на чужом трудовом, научном, вузовском и т.д. потенциале. Для высококачественного использования приёмов взаимно- и самообучения общество должно озаботиться условиями и самообразования, и подтверждённого роста социального авторитета педагогов всех уровней. А принципиальная уникальность комбинации одарённости, проявляющейся в творчестве, делает и неоправданным, и бессмысленным наличие армады контролёров-надсмотрщиков. Следовательно, гигантски возрастает значение умения распорядиться своей жизнью, а значит, – и общественное звучание как концептуально-методологической грамотности, навыков распоряжения свободой, так и педагогов-наставников, занятых обра-

зованием и воспитанием. А для того, чтобы каждый был Созидателем, наиболее компетентным на своём участке приложения сил, требуется коренное преобразование образа жизни.

С одной стороны, однозначность причинно-следственных связей (модель «дерева») давно переросла в модель «куста» (характеризующую социальность, выросшую до многофакторности) и «ризому» стохастического состояния социальности, где сплетены самые причудливые сочетания логики бытия. Под давлением разных внутренних и внешних факторов совершенно разные «почки» могут сыграть роль корня, узла нового развития. С другой стороны, в качестве ядра общественно-необходимой деятельности на данный момент наиболее полно проявило себя духовное (прежде всего, интеллектуальное) творчество. Одновременно в многообразии способностей подъём роли структур «общества знания» акцентирует их интеллектуальную часть, в частности, деятельность по поиску, привлечению, распределению, развитию, мотивированию и т.п. духовно (в частности, умственно) одарённых. А вот совершенствование использования природных ресурсов (в частности, агроцикла), транзитного положения и т.д., будучи неотъемлемым компонентом развития, при построении человечеством «умного общества» не может ни иметь генерализирующего значения, ни обеспечивать экономический суверенитет. Духовное (в частности, интеллектуальное) творчество является наиболее продуктивным, тем более – при подготовке и осуществлении «очередной промышленной революции», открывающей перспективы сочетанию возможностей человека и искусственного интеллекта. Но фактором общественной жизни становятся не задатки как таковые, а их выявление, развёртывание и просоциальная реализация, не трудовой потенциал или природные ископаемые, а мера их применения. Так, совокупная производительность труда, а, значит, и эффективность воспроизводства предполагает соотнесённость не с непосредственно работающими, а со всем трудовым потенциалом. К примеру, в случае высокого уровня безработицы, отсталой воспроизводственной структуры или же отвлечённости населения на осуществление непродуцируемых / малопродуктивных функций, сколь бы высокой ни была производительная сила труда части населения, это слабо компенсирует общие утраты общества. При этом, по известной формуле,

лидеры создают идеи, аутсайдеры тиражируют вещи. Вместе с тем, повышение потоков взаимоперелива и кооперационной дисциплины увеличивает и потенциальную уязвимость в результате зависимости от импорта и действий внешних сил.

Отсюда – перспективы и границы социального управления, в частности – психолого-педагогического воздействия, смыкающегося с уровнями общественных психологии и идеологии. Свободное творчество исключает административное принуждение. Для общества объективно необходимы гибкие, «мягкие» по своему характеру, модели сочетания разных укладов и подходов, использующие потенциал социокультурной организации отношений. Т.е. ведущим способом управления инновационно-синергетического типа выступает стимулирование, одним из эффективных методов интеграции – принцип превращённых форм.

3. Осмысленность как необходимость активности в новой общественной парадигме

Нет, подобной жажды идеала
Старый мир не видел никогда!
Е. Винокуров «Жажда»

Как известно, «непосредственно идеальное осуществляется в символе и через символ, т.е. через внешнее, чувственно воспринимаемое, видимое или слышимое тело слова» [6, с. 218]. Развитие мышления как всеобщего отличия человека – неперемное условие рефлексивной модернизации в балансе задач стратегии, тактики и оперативки трансформаций. Резкое углубление системного кризиса, в глобальном масштабе охватившее политико-экономическую и культурно-цивилизационную целостность, вывело в ядро главного внутреннего противоречия столкновение интересов компрадорского олигархата (часто – под либерал-националистическими лозунгами) и народов в определении ведущей направленности комплекса вопросов трансформаций государства, науки, промышленности, технологий и коммуникаций, права, образования, социальной сферы, политической идеологии и психологии. Заканчивается сама «жизнь» данной разновидности организации общественного организма, предполагающая паразитирование на внешних ресурсах «колоний» и подчинении рынков: прежде

всего, сырья, творческой активности, связанного, потребительских. Продление агонии этой политико-экономической целостности обходится человечеству масштабными потерями не только упущенных возможностей развития, но и формированием «дерева противоречий» между богатыми и бедными (людьми, слоями и регионами), сверхпотребляющими / стяжающими и недоедающими / терпящими лишения и нехватку инвестиций и т.д. Причём в нынешней общественной «системе координат» скачок в удобствах и комфорте одних прямо предполагает паразитирование (как во внешней, так и внутренней жизни) на положении других, рост иллюзорно-отчуждённых форм всеобщности. Между тем, отбор действительно полезного и разрушительного (в т.ч. потенциально) в информационном шуме, выделение «своего» и многообразного «чужого» требует качественных информационных мембран: социальных и индивидуальных. Ныне сохранение реальной глобальной субъектности (а не превращение в объект внешнего манипулирования) тем более требует понимания существа международных процессов и диапазона эффективных воздействий на него для реализации своих законных интересов. Успешными становятся в первую очередь те культурно-цивилизационные миры, которые в состоянии не только заинтересовать, увлечь своими смыслами, но и структурировать своё социальное пространство, применяя при этом и классические и инновационные ресурсы, интегрируя базисные для себя формы ценностного сознания с логикой исторических изменений. Культивирование Сверхпроекта, кластеров развития, благотворного для желанных перемен социального климата – важные факторы использования уникальных возможностей переходного периода, укрепляемые единством целеполагания с объективными трендами социально-экономической динамики.

Парадигмальность перехода заключается в гораздо более существенном изменении, нежели движение от преобладания одной модели жизнеустройства к другой. Сама постсовременность также означает уход в прошлое однозначных подходов, простых моделей и «чистых» форм их воплощений – в т.ч. и в аспектах самовыражения и конкурентоспособности. Причём происходят изменения не только отдельных социально-политических институтов, но и всей культурной среды, отношений, структур. Дрейф к логике постмодерна (в частности,

постглобализма), к логике свободы является, одновременно, отказом от единственности любого базиса развития. Уходит в прошлое оптимальность какого-либо шаблона; от конкуренции в овладении единственной моделью человечество переходит к состязанию принципиально разнокачественных подходов. Так что мировые трансформации приобретают поистине кардинальный характер. Вместе с тем, переход к реализации вариантов модели «ризома» характерен для наложения черт постиндустриальности, постглобальности и, в целом, постсовременности именно потому, что позволяет и расширить диапазон вовлекаемых ресурсов эндогенного социально-экономического развития, наращивать преимущества и успешно предотвращать, локализовать и ликвидировать угрозы национальным интересам, ориентируя на повышение готовности к самым разнообразным и парадоксальным проявлениям общественной и индивидуальной жизни.

Наступление постглобальной эпохи отражается в комплексном характере перемен: как постглобальности объективного состояния, так и постглобализма осознания происходящего. С одной стороны, мироустройство зиждилось на международном разделении труда и мировых потоках капитала, товаров и услуг, в частности – глобализации информации и, соответственно, представлений о стандартах уровня жизни, в т.ч. образования, здравоохранения и т.д. Многие из появившихся примет наднационального взаимодействия необратимы. Осуществляется не только переход от попыток культуртрегерства к полилогу культур (в т.ч. социально-политических). Если древние цивилизации были относительно изолированными, то глобализация установила прочную взаимозависимость народов и их социально-политических культур. Но вот качество этой взаимозависимости может варьироваться. Воспроизводство ойкумены накрепко связало культурно-цивилизационные миры, формой чего и стало соотношение конкурентности / состязательности и партнёрства / кооперации с той или иной степенью комплиментарности или же, напротив, враждебности. С другой стороны, нарастает понимание ценности своей идентичности и прямой зависимости качества роста от реальности суверенитета.

Новая эпоха резко повышает вероятность новых волн массовых угроз. В т.ч. – за счёт потенциала тотальности виртуального и избирательности решений при сохранении отчуждения. Причём детер-

минанты патогенности вариативны и комбинируемы, что открывает дополнительные перспективы направленной селекции определённых признаков. Процессы мировых трансформаций ещё раз демонстрируют: у каждого из субъектов истории своя комбинация преимуществ и недостатков. Их осознание и учёт – важнейший элемент создания эффективного Сверхпроекта развития культурно-цивилизационного мира и уяснения путей гармонии стратегии, тактики и оператики осуществления модернизации. Разумеется, сам процесс преобразований может происходить с большими или меньшими эксцессами. Стратегически важно, чтобы он не стал отказом от наработок и достижений прошлого, а расширил ресурсно-методологическую базу жизнедеятельности и развития каждого именно при интеграции созидательных потенциалов, в том числе, и модерна, и традиции. Органичность сочетания преемственности и развития – важнейшее условие защиты идентичности постсоветского пространства, что высвечивает роль и лидеров, и институтов. Крайне существенно, чтобы поле социального и индивидуального творчества возрастало, а качество и длительность жизни – увеличивались. Обществу: как отдельного культурно-цивилизационного мира, так и ойкумены – важно разнообразие мировоззрений, поисков, подходов, покуда оно не подрывает основ его существования. Даже и сам продуктивный капитал формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. Плодотворная защита исторической памяти при понимании всемирно-исторического процесса как непрерывного и постоянного требует учить население размышлять, действовать, творить: самостоятельно и в коллективе.

Соответственно, смена мирового тренда – это и необходимость смены элит: в полной мере продемонстрировавшие свою неспособность действовать в момент потребности в них должны уйти. Во многом именно лидеры, способные понимать и работать в интересах собственного культурно-цивилизационного мира, становятся весомым фактором если не определения глобальных трендов, то хотя бы их эффективного использования. При этом важнейшими субъектами поиска и культивирования новых моделей общежития (как и защиты населения) проявили себя отнюдь не транснациональные корпорации или международные организации, а именно государства. Очередной

парадигмальный скачок в развитии ойкумены объективно требует соответствующих изменений стратегий защиты национальных интересов. Их коренная модернизация тем насущней, что осуществляется переход к принципиальной многополности и признанию права на разнообразие подходов и векторов развития.

4. Введение символов в круг эффективного воздействия

– Просто уже не слушают обычные митинговые речи, – говорит мне начальник политического отдела, – им надо образы.

А.С. Серафимович (Попов) «Несите им художественное творчество»

Будучи введенным в ситуацию крайней рациональности и при сокращении времени для реагирования, тем в большей мере человек реагирует по принципу «верю – не верю», отвергая то, к чему не готов и проявляя склонность ориентироваться на привычную для него общественную «систему координат». Символ – концентрированное воплощение и вектор идеи, «считываемый» подсознанием масс и реализующий их потенциал в определённом направлении, т.е. фактор «программирования» представлений и действий. В этом качестве символы выстраивают целостность представлений, сообразно которой факты оцениваются, встраиваются или отвергаются, оправдываются или критикуются. «Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некоей данной ему «объективной реальностью», приобретают, таким образом, относительную самостоятельность, как бы вычлняясь из психической деятельности индивида» [7, с. 41].

Послевоенный миропорядок основывался на ялтинско-потсдамско-хельсинкских договорённостях и, во многом, питался как от социальных завоеваний социализма, так и необходимости капиталистического лагеря заботиться о своей привлекательности в условиях соревнования мировых систем. Ликвидация государственных образований ГДР, СССР, СФРЮ, а также мировой системы социализма, ОВД и СЭВ ознаменовала разрушение существовавшего миропорядка. Конструкция с монополией на мировое господство западного клана во главе с США не могла быть устойчивой и оказалась исто-

рически мимолётным балансированием. Очевидно: ойкумена меняется крайне быстро; «стрела истории» летит всё быстрее. Возникает новый геостратегический порядок, формируются новые модели развития. Причём Запад во многом сохраняет пока инструменты поддержания могущества, но утратил привлекательность. Сегодня тенденции к регионализации, к борьбе за глобальное лидерство и к повышению степени подконтрольности личности на основе цифровизации-чипизации взаимодействуют и накладываются друг на друга. Противостоянием последствиям пандемии порой прикрывают решение вопросов по овладению / сохранению сферой и инструментами международного и внутреннего контроля. Переструктурирование обогащается конкретными характеристиками чернового наброска будущего, создания его замысла и выявления намерения, наиболее обостренно проявляясь именно в переходный период.

Между тем, многополюсный и разнотемпный мир, самоценность совершенно отличных друг от друга культурно-цивилизационных миров, нетерпимость к попыткам внешнего диктата и отторжение империалистического культуртрегерства: всё это (и многое другое) – приметы кардинальных трансформаций, связанных с усилением постглобального устройства мира, умение жить и развиваться в котором становится приоритетным фактором стратегической конкуренции между культурно-цивилизационными мирами. Разумеется, некоторые объективные и субъективные основания постглобальности формировались и накапливались давно. Однако их комплексность и её определяющее значение – явление для ойкумены новое. Не только сама новая общественная парадигма, но и период форсированных преобразований при переходе к ней обостряют проблему осмысленного информационного отбора. Антагонизмы провели повсеместное разделение, затронув и проблемы накопления и утилизации отходов, и состояние стандартов и качества жизни, и возможности творчества, и социально-экономические предпосылки демографического кризиса и проч. – вплоть до многократной угрозы уничтожения цивилизации и скатывания в диктатуру одной страны (организации, корпорации и т.п.).

Осуществление текущей модернизации, раскрытие потенциала её рефлексивности предполагает не только постоянство обучения (включая самообразование, взаимообучение и пр.), широкое вовлечение тру-

довых коллективов в управление и процедуры народного контроля, но и качественный подъём качества педагогики. Одновременно, фантастический рост техновооружённости формирует новые основания для социальной ответственности и внутренней культуры работника. Таким образом, задачи повышения уровня воспитания и образования входят в число важнейших требований к осуществляемому социально-политическому программированию. С одной стороны, для продуктивного использования управленцами закономерного и случайного во время перемен остро необходимо укрепление на всех уровнях конкуренции: собственно фактологическом (информационном), прогнозно-аналитическом (на основе выявления тенденций) и концептуальном, ценностно-смысловом, мировоззренческом (понимания процессов). С другой, – необходимо впитывание в себя, освоение всей противоречивой истории материальной и духовной культуры человечества. Соответственно, чем больше информационное давление и меньше отведено времени историей для подготовки ответа, тем больше окончательное решение зависит от меры подготовки, в т.ч. – символической фиксации ценностно-смыслового уровня. Т.о. возникает необходимость в определённом избытке знаний, причём эта объективная потребность отнюдь не исчерпывается исключительно профессиональным, специальным направлением, требуя общеметодологической грамотности человека [28–34].

Между тем, общество сызмальства обставляет жизнь каждого системой символов: отличной в разных культурно-цивилизационных мирах. По мере социализации / аккультурации человек впитывает «свою» символику как оси координат плохого и хорошего, опасного и приятного, позитивного и негативного etc. При этом, разумеется, социальные и индивидуальные склонности и способности к рациональному освоению действительности, созданию «второй природы» (социальной) крайне отличны. Например, в тех же США и политическая жизнь строится как карнавал с пожиманием рук, эмоциональными выступлениями, многочисленными апелляциями к чувствам – без критического восприятия информационного напора. Одновременно нарастает отличие реального положения дел от его виртуального изображения. Запад любит представлять себя в мировых СМИ и социальных сетях победителем над несуществующими проблемами, в реальности оставляя для

мирового сообщества решение множества создаваемых им точек хаоса. Чего стоит укрепление США в роли фактора обеспечения легитимности государственных переворотов и насаждения неприсущей народам культуры извращений. Зло «отчуждения» – это всегда возмездие. Возмездие за невежественное, за неосторожное, не считающееся с объективными законами мира, вмешательство в дела этого мира... Мера власти «отчуждения» над людьми всегда обратно пропорциональна мере их естественнонаучной и социальной грамотности, а ещё точнее – умению их действовать в согласии с разумом, то бишь с объективной истиной, с объективной природой вещей, выраженной в разуме» [6, с. 171].

В момент перехода возрастает роль случайности и слабых, но точных воздействий. Качество стратегического управления – важнейший фактор конкуренции не только микроэкономических субъектов хозяйствования, но и культурно-цивилизационных миров. Взаимопереход материального и идеального осуществляется при помощи языка, «непосредственной деятельности мысли» (К. Маркс). «Без идеального образа человек вообще не может осуществлять обмен веществ с природой, а индивид не может оперировать вещами, вовлечёнными в процесс общественного производства. Идеальный же образ требует для своего осуществления вещественного материала, в том числе языка. Поэтому труд рождает потребность в языке, а затем и сам язык» [6, с. 222]. Соответственно, языковая толерантность – одно из непрременных условий соблюдения прав человека и обеспечения свободы творчества [35–38]. Факты общественной жизни мерцают в субъективности их смысловой интерпретации. Сборка событий в тенденцию во многом характеризует ожидания аналитика / комментатора, осуществляясь под определяющим воздействием мировоззрения. Взаимодействие культурно-цивилизационных миров всегда включало элементы конкуренции и партнёрства, соотношение которых позволяло констатировать большую / меньшую комплементарность, притяжение / отталкивание. При этом переживают свои жизненные циклы культурно-цивилизационные миры отнюдь не синхронно. Разумеется, как условное преобладание какого-либо из них в определённый момент вовсе не означает его большей потенциальной ценности для развития всей ойкумены, так и проигравшие в исторической конкуренции зачастую таили спасительные для человечества возможности

повышения качества жизни и создания условий для творческого раскрытия одарённости. Умение лидеров выработать государственный курс, способствующий поддержанию баланса между бережным отношением к памяти (воплощённой в материальной и духовной культуре) и динамичным развитием, – непрерывное условие достижения адекватности среде перемен. Так, общепризнано мировое лидерство советских систем, в частности, образования, организации науки и здравоохранения, что и объясняет во многом советское экономическое послевоенное чудо. Собственно, поиск и поддержание Сверхпроекта развития своего культурно-цивилизационного мира в соответствии с логикой истории и возможностями её применения в конкретном контексте, обеспечение приоритета ключевых направлений – это и составляет основное содержание деятельности элиты.

5. Выводы

Легенда кричит красотой и будто бы бессмысленностью и ясным сознанием того, что здравомыслящие будут похоронены и забыты.

В. Маканин

Таким образом, обеспечение защиты и развития символики и образного ряда, несущих базовые ценностно-смысловые комплексы, нравственно-духовный стержень – это не только сохранение преемственности, но и обязательный элемент как жизнеобеспечения, так и поддержания общественного согласия вокруг идеалов созидания и творчества. Социокультурный организм ойкумены может нести потенциал как новой социальной жизни, так и смерти цивилизации. Пронизывающее историю соперничество культурно-цивилизационных миров (каждый – со своим набором преимуществ и недостатков, органичными для него формами сочетания общих и частных интересов, единства и разнообразия творческого поиска), находящихся на разных фазах социогенеза, преломляясь законом неравномерности развития и разноскоростным бегом времени, вносит новые краски в условиях радикальных перемен. Соответствующее логике истории преобразование комплекса общественно исповедуемых представлений, рационально и эмоционально организованной системы духовной культуры опосредуется влиянием культурно-цивилизационных миров. Характерные черты постглобальности, в частности, приоритетная опора на

свои силы (прежде всего, вокруг базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира) и сосредоточенность на решении внутренних проблем жизнеустройства и развития, предпочтение эндогенных вариантов оперирования потенциалом, оживление идеалов накопления внутренних созидательных сил общества, разумного протекционизма и самодостаточности, – подталкивает к переоценке геостратегических разграничений (например, и на основе евро-скептицизма, роста иных объединений и подходов, трансформации механизмов международного взаимодействия из структур неоимпериализма в формы партнёрства). Самодостаточность и независимость, равноправие и признание интересов каждого должны не противоречить, а стать базой взаимодействия и полилога [39–41].

Овладение и жизнеутверждающее применение созданных ойкуменой технико-технологических и социально-экономических ресурсно-методологических баз требует адекватного изменения в нравственно-духовной плоскости. Переходный межпарадигмальный период – это и «возвращение к себе», и проведение модернизации на своей основе. Ни одна система ценностей в моделях постмодерного развития и постглобального структурирования уже не может рассматриваться как единственно возможная для человечества. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда исчезает понятие периферийной культуры: все они равноценны и равноправны. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимумы как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. В частности, воссоздание ценностно-смысловых комплексов – основа идентичности и условие нормальной жизни.

Без общей выработки социального и индивидуального иммунитета, воплощающего силу воли, нравственности и жизнелюбия, открытия человечества станут решающим шагом на роковом пути. В свою очередь, это обостряет задачи, с одной стороны, воспитания на социальном уровне, с другой, – качества социетального управления и организации социальной работы. Каждый: человек и культурно-цивилизационный мир, если хочет и может быть независимым и защитить свою идентичность, – должен сам проложить свой путь в

будущее. И если миссия и ответственность элиты – в отражении национальных интересов и воли народа, то в зоне ответственности самого народа – несение своих представлений о справедливом, нравственном, нормативном, путём чего и становится творчество как восхождение к лучшему (Истине, Добру и Красоте).

Соответственно, требуется приоритетно создать комплекс условий, при котором: – остатки советского наследия работали бы на благо своего народа, а не укрепляли зарубежные ТНК и не были бы подчинены задачам создания ВВП других стран (за счёт выдачи грантов, размещения заказов, оплаты работ и т.д.), – от попыток «ехать на осколках советских прорывов» пора перейти к стимулированию самостоятельного создания новых заделов, – концепция общественного развития должна строиться не вокруг символов «моста», «аграрного будущего», «страны-попрошайки», «работы во внешнем услужении», потребительства и накопительства, а с приоритетами идеалов творчества (прежде всего, научно-интеллектуального), самобытности и самодостаточности. Причём их вектор должен вести не в сельское прошлое с апологией хуторящины и местечковости, а в будущее с научно-индустриальными кластерами и возвышающей средой.

Список литературы:

1. Кропоткин П. А. Этика. Москва : Политиздат, 1991. 496 с.
2. Rumelt R. P. Good Strategy / Bad Strategy: The Difference and Why It Matters. New York : Random House, Inc.; Crown Publishing Group, 2011. 336 p.
3. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Москва : Кн. мир, 2018. 768 с.
4. Шедяков В. Є. Стратегічна культура проведення трансформацій: можливості та загрози. *Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів* / за ред. М. С. Пашкевич, Ж. К. Нестеренко; М-во освіти і науки України, Запор. нац. техн. ун-т, Нац. гірн. ун-т. Дніпропетровськ : НГУ, 2015. С. 30–41.
5. Шедяков В. Є. Терпимість к инакшемыслию – условие развития. *Розвиток сучасного суспільства в умовах глобальної нестабільності* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Одеса, 2018. С. 79–85.
6. Ильенков Э. В. Философия и культура. Москва : Политиздат, 1991. 464 с.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Москва : Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
8. Градовский А. Значение идеала в общественной жизни. *Вестник Европы*. 1877. № 1. С. 297–327.
9. Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство кесаря. *Судьба России*. Москва : Сов. писатель, 1990. С. 224–334.

10. Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. Предыстория. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 720 с.
11. Сагатовский В. Н. Бытие идеального. Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. 103 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. Москва : Политиздат, 1977. 304 с.
13. Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым: (проблема идеального). Москва : Прогресс-Традиция, 2003. 368.
14. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
15. Платонов С. После коммунизма : Кн., не предназнач. для печати. 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. Москва : Мол. гвардия, 1991. 557 с.
16. Духовное производство / отв. ред. Толстых В.И. Москва : Наука, 1981. 352 с.
17. Шедьяков В. Е. Идеальное – реальное: реализация меры взаиморезонирования, адекватной обществу знаний. *ИДЕЯ І ДІЯ: погляд Ф./П./П./С./ / заг. ред. О. А. Івакіна, Д. В. Яковлева.* Херсон : Гельветика, 2017. С. 175–190.
18. Шедьяков В. Е. Реальность под давлением виртуального: взаиморезонирование материального и идеального. *Нові завдання суспільних наук у ХХІ столітті* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 2018. С. 44–48.
19. Шедьяков В. Є. Постсучасні трансформації комплексу відносин відчуження. *Мультиверсум.* 2012. № 10(118). С. 3–13.
20. Плахотный А. Ф. Свобода и ответственность: Социологический аспект проблемы. Харьков : Издательство ХГУ, 1972. 158 с.
21. Заветный С. А. Личность и общество: проблемы и перспективы управления. Киев : ПАРАПАН, 2008. 256 с.
22. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Концепция прав души и духа человека как основа духовно-нравственной интеграции. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве* : Матер. Междунар. науч. конф. Вып. 8. Т. 2. Барнаул, 2019. С. 141–147.
23. Шедьяков В. Е. Гармонизация индивидуального и социального в становлении общества знания. *European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland / ed. board: M. Kiedrowska, A. Erechemla, T. Brannecki.* Sandomierz : Baltija Publishing, 2018. Vol. 3. P. 446–470.
24. Durand G. The Anthropological Structures of the Imaginary. Brisbane : Voombana Publications, 1999. 448 p.
25. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Москва : Академический Проект; Трикста, 2010. 564 с.
26. Шедьяков В.Е. Интеллектоёмкость и нравственность как атрибуты экономики, основанной на знаниях. *National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov.* Kielce : Baltija Publishing, 2017. Vol. 1. P. 283–294.
27. Шедьяков В. Е. Ценностные основания национальных моделей социально-экономического развития. *National Economic Reform: experience of*

Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce : Baltija Publishing, 2016. Vol. 2. P. 164–190.

28. Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. Москва : Политиздат, 1991. 525 с.

29. Шедяков В. Е. Люди и символы. *Журналист*. 1998. № 25(71). С. 3.

30. Шедяков В. Е. Восприятие и интерпретация в полном информационном цикле. *Роль суспільних наук у забезпеченні стабільності розвитку глобальних світових процесів у XXI ст.* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 2017. С. 33–38.

31. Шедяков В. Е. Символы веры. *Бизнес Информ*. 1993. № 19. С. 20–21.

32. Быкова Т. Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения. *Вісник СевДТУ*. 2008. Вип. 91. Політологія. С. 145–148.

33. Нагорная Л. К., Чепашева И. В. Политический символ в системе общественных отношений. *Ползуновский вестник*. 2006. № 3. С. 15–18.

34. Василевич Ю. В. Політична символіка у формуванні політичних цінностей та ідеалів. *Personality, family and society: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*. Shumen, 2017. P. 137–140.

35. Шедяков В. Е. Язык как среда социокультурных коммуникаций и среда управления. *Вплив суспільних наук на процес розвитку суспільства: можливе та реальне* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 2018. С. 34–39.

36. Шедяков В. Е. Языковая толерантность в контексте постсовременного взаимодействия культурно-цивилизационных миров. *Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики* : Матер. Междунар. научно-практ. конф. Пермь, 2015. С. 347–359.

37. Шедяков В. Е. Роль мифолокта как формы социолекта в развитии культурно-цивилизационного мира: потенциал и реалии. *Вплив суспільних наук на процес розвитку суспільства: можливе та реальне* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 2016. С. 50–54.

38. Шедяков В. Е. Учёт языковой среды реализации смыслов в системе социальной работы как фактор совершенствования PR-отношений. *Актуальні проблеми філософії та соціології*. 2017. № 16. С. 161–164.

39. Шедяков В. Е. Боротьба смислів і протистояння стратегій: регіонально-цивілізаційний вимір. *Політичний менеджмент*. 2012. № 3. С. 31–42.

40. Шедяков В. Е. Оперирование образами в социокультурных обменах постсовременности. *Наукова дискусія: питання соціології, політології, філософії та історії* : Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Одеса, 2015. С. 39–42.

41. Шедяков В. Е. Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади. *Гілея*. 2013. № 72(5). С. 781–787.

References

1. Kropotkin, P. A. (1991). *Etika [Ethics]*. Moscow: Politizdat. (in Russian)
2. Rumelt, R. P. (2011). *Good Strategy / Bad Strategy: The Difference and Why It Matters*. New York: Random House, Inc.; Crown Publishing Group.

3. Glaz'ev, S. U. (2018). Ryvok v budushchee [Dash into the future]. Moscow: Kn. mir. (in Russian)
4. Shedyakov, V. E. (2015). Strategichna kul'tura provedennja transformacij: mozhlivosti ta zaghrozy [Strategic culture of transformations: opportunities and threats]. Rozvytok ekonomiky Ukrainy pid vplyvom ekonomichnyh, social'nyh, tekhnologichnyh ta ekologichnyh trendiv / Pashkevych, M.S., Nesterenko, Zh.K. (eds.); M-vo osvity i nauky Ukrainy, Zapor. nac. tekhn. un-t, Nac. ghirm. un-t. Dnipropetrovs'k: NGhU, 30–41. (in Ukrainian)
5. Shedyakov, V. E. (2018). Terpimost' k inachemyshlyu – uslovie razvitiya. [Tolerance of dissent is a prerequisite for development] (in Russian). Rozvytok suchasnogo suspiljstva v umovakh ghllobalnoji nestabiljnosti: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Odesa, 79–85.
6. Il'enkov, E. V. (1991). Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat. (in Russian)
7. Rubinshteyn, S. L. (1957). Bytie i soznanie [Being and Consciousness]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)
8. Gradovskiy, A. (1877). Znachenie ideala v obshchestvennoy zhizni [The meaning of the ideal in social life]. *Vestnik Evropy*, (1), 297–327. (in Russian)
9. Berdyaev, N. A. (1990). Tsarstvo Dukha i Tsarstvo kesarya [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. *Sud'ba Rossii*. Moscow: Sovetskij pisatel', 224–334. (in Russian)
10. Zhelnov, M. V. (1981). Predmet filosofii v istorii filosofii. Predystoriya [The subject of philosophy in the history of philosophy. Prehistory]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (in Russian)
11. Sagatovskii, V. N. (2003). Bytie ideal'nogo [The being of the ideal]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russian)
12. Leont'ev, A. N. (1977). Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Politizdat. (in Russian)
13. Livshits, M. (2003). Dialog s Eval'dom Il'enkovym: (problema ideal'nogo) [Dialogue with Ewald Ilyenkov: (the problem of the ideal)]. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russian)
14. Marks, K. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844]. Marks, K., Engel's, F. Soch. 2-e izd, (42), 41–174. (in Russian)
15. Platonov, S. (1991). Posle kommunizma: Kniga, ne prednaznachennaya dlya pechati. 2-e izd.; Vtoroe prishestvie: Besedy [After Communism: A Book Not For Print. 2nd ed.; Second Coming: Conversations]. Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russian)
16. Tolstykh, V. I. (ed.) (1981). Dukhovnoe proizvodstvo [Spiritual production]. Moscow: Nauka. (in Russian)
17. Shedyakov, V. E. (2017). Ideal'noe – real'noe: realizatsiya mery vzaimorezonirovaniya, adekvatnoy obshchestvu znaniy [Ideal – real: the implementation of a measure of inter-resonance, adequate to the knowledge society]. IDEJa I DIJa: pogljad F./P./P./S./ / zagh. red. Ivakin, O. A., Jakovlev, D. V. (eds.). Kherson: Gheljvetyka, 175–190. (in Russian)

18. Shedyakov, V. E. (2018). Real'nost' pod davleniem virtual'nogo: vzaimorezonirovanie material'nogo i ideal'nogo [Reality under the pressure of the virtual: mutual resonance of the material and the ideal]. *Novi zavdannja suspiljnykh nauk u XXI stolitti: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Kyiv*, 44–48. (in Russian)

19. Shedyakov, V. E. (2012). Postsuchasni transformacii kompleksu vidnosyn vidchuzhennya [Postmodern transformations of the complex of relations of alienation]. *Mul'tiversum*, 10/118, 3–13. (in Ukrainian)

20. Plahotnyi, A. F. (1972). Svoboda i otvetstvennost': Sotsiologicheskii aspekt problemy [Freedom and Responsibility: The Sociological Aspect of the Problem]. Khar'kov: Izdatel'stvo KhGU. (in Russian)

21. Zavetnyi, S. A. (2008). Lichnost' i obshchestvo: problemy i perspektivy upravleniya [Personality and Society: Problems and Prospects of Management]. Kiev: PARAPAN. (in Russian)

22. Bobrova, N. A., Ivent'ev, S. I. (2019). Kontseptsiya prav dushi i duha cheloveka kak osnova duhovno-nravstvennoi integratsii [The concept of the rights of the human soul and spirit as the basis for spiritual and moral integration]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve: Mater. Mezhdunar. nauch. konf. Barnaul*, 8–2, 141–147. (in Russian)

23. Shedyakov, V. E. (2018). Garmonizatsiya individual'nogo i sotsial'nogo v stanovlenii obshchestva znaniya [Harmonization of the individual and the social in the formation of a knowledge society]. *European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland / Kiedrowska, M., Erechemla, A., Branecki, T. (ed. board). Sandomierz: Baltija Publishing*, (3), 446–470. (in Russian)

24. Durand, G. (1999). *The Anthropological Structures of the Imaginary*. Brisbane: Boombana Publications.

25. Dugin, A. G. (2010). *Sotsiologiya vobrazheniya. Vvedenie v strukturnuyu sotsiologiyu* [Sociology of the Imagination. Introduction to Structural Sociology]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta. (in Russian)

26. Shedyakov, V. E. (2017). Intellektoemkost' i нравstvennost' kak atributy ekonomiki, osnovannoi na znaniyah [Intelligence intensity and morality as attributes of a knowledge-based economy]. *National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine / Pawlik, A., Shaposhnykov, K. (eds.). Kielce: Baltija Publishing*, (1), 283–294. (in Russian)

27. Shedyakov, V. E. (2016). Tsennostnye osnovaniya natsional'nyh modelei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Value foundations of national models of socio-economic development]. *National Economic Reform: experience of Poland and prospects for Ukraine / Pawlik, A., Shaposhnykov, K. (eds.). Kielce: Baltija Publishing*, (2), 164–190. (in Russian)

28. Losev, A. F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. The culture]. Moscow: Politizdat. (in Russian)

29. Shedyakov, V. E. (1998). *Lyudi i simvoly* [People and symbols]. *The Zhurnal*, 25/71, 3. (in Russian)

30. Shedyakov, V. E. (2017). *Vospriyatie i interpretatsiya v polnom informationnom tsikle* [Perception and interpretation in a complete information cycle].

Rol' suspil'nyh nauk u zabezpechenni stabil'nosti rozvytku global'nyh svitovyh procesiv u XXI st.: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Kyiv, 33–38. (in Russian)

31. Shedyakov, V. E. (1993). Simvol'y very [Symbols of Belief]. *Biznes Inform*, 19, 20–21. (in Russian)

32. Bykova, T. N. (2008). Politicheskaya simbolika: k probleme opredeleniya i proishozhdeniya [Political Symbols: Towards the Problem of Definition and Origin]. *Visnyk ŠevDTU*, 91, 145–148. (in Russian)

33. Nagornaya, L. K., Chepasheva, I. V. (2006). Politicheskii simvol v sisteme obshchestvennyh otnoshenii [A political symbol in the system of social relations]. *Polzunovskiy vestnik*, 3, 15–18. (in Russian)

34. Vasylevich, U. V. (2017). Politychna symbolika u formuvanni politychnyh tsinnosti ta idealiv [Political symbols in the formation of political values and ideals]. *Personality, family and society: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*. Shumen, 137–140. (in Ukrainian)

35. Shedyakov, V. E. (2018). Yazyk kak sreda sotsiokul'turnykh komunikatsii i sredstvo upravleniya [Language as a medium of sociocultural communication and a means of management]. *Vplyv suspil'nyh nauk na proces rozvytku suspil'stva: mozhlyve ta real'ne: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Kyiv*, 34–39. (in Russian)

36. Shedyakov, V. E. (2015). Yazykovaya tolerantnost' v kontekste postsovreennogo vzaimodeistviya kul'turno-tsivilizatsionnyh mirov [Language tolerance in the context of postmodern interaction of cultural and civilizational worlds]. *Yazykovaya tolerantnost' kak faktor effektivnosti yazykovoi politiki: Mater. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Perm'*, 347–359. (in Russian)

37. Shedyakov, V. E. (2016). Rol' mifolekta kak formy sotsiolekta v razvitii kul'turno-tsivilizatsionnogo mira: potentsial i realii [The Role of Mytholect as a Form of Sociolect in the Development of the Cultural and Civilizational World: Potential and Realities]. *Vplyv suspil'nyh nauk na proces rozvytku suspil'stva: mozhlyve ta real'ne: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Kyiv*, 50–54. (in Russian)

38. Shedyakov, V. E. (2017). Uchet yazykovoy sredy realizatsii smyslov v sisteme sotsial'noi raboty kak faktor sovershenstvovaniya PR-otnoshenii [Taking into account the linguistic environment for the realization of meanings in the system of social work as a factor in improving PR-relations]. *Aktualni problemy filosofii ta sociologii*, 16, 161–164. (in Russian)

39. Shedyakov, V. E. (2012). Borotba smysliv i protystoyannya strategii: regionalno-cyvilizacyniy vymir [Struggle of senses and confrontation of strategies: regional-civilizational dimension]. *Politychnyy menedzhment*, 3, 31–42. (in Ukrainian)

40. Shedyakov, V. E. (2015). Operirovanie obrazami v sotsiokul'turnykh obmenah postsovreennosti [Operating with images in post-modern sociocultural exchanges]. *Naukova dyskusiya: pytannya sociologii, politologii, filosofii ta istorii: Mater. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Odesa*, 39–42. (in Russian)

41. Shedyakov, V. E. (2013). Mifichno-symvol'ni konstrukcii v zdiisnenni informaciynyh vplyviv na osnovi resursnoi bazy m'yakoi vlady [Mythical-symbolic constructions in the realizing of information influences on the basis of the resource base of soft power]. *Ghileja*, 72/5, 781–787. (in Ukrainian)